

— 8 —

Одежда мужчины состояла из кожаных шорт и меча, прикрепленного к ним. Воин остановился и прислушался. К запаху свежескошенной жимолости и акации примешивался тёрпкий лимон. Крик далёкой птицы и вой голодного койота будоражили кровь Кенанна. Его ноздри трепетали. Он почувствовал добычу. Это был не зверь и не птица. Это была женщина. Человеческая женщина. Мужчина чувствовал её на расстоянии 150 метров. Его мускулистое тело, покрытое блестящим потом, напряглось. Кажется, он услышал шёпот. Слов разобрать было невозможно, но женщина молила о пощаде. Кто-то угрожал женщине. Его женщине. Его добыче. Кенанн обнажил меч и бросился туда, откуда доносились плач и мольбы о помощи. Дикий вопль огласил окрестности. Вспорхнула стая птиц. Заколыхались ветви деревьев. Это незадачливые зверушки покидали места своего обитания в страхе перед исполином.

Воин выскочил на открытое место, дико вращая мечом. Его кровь кипела, мускулы звенели как натянутая тетива исполинского лука. Глаза, налитые яростью, оглядели поляну... В дальнем конце, возле величественного дуба, связанная по рукам и ногам, сидела женщина. Она была прекрасна. Её волосы затмевали сияние меди доспехов лучших воинов.

Изумрудные, чуть раскосые, глаза предполагали крутой нрав их обладательницы. Чуть вздёрнутый насмешливый носик говорил о весёлом и бесшабашном характере девушки. Тёмно-красные губы, напоминающие маки в долине, говорили о ненасытности в любви и призывно поблёскивали в пламени догорающего костра.

Женщина была одета в светлую самотканую блузку, заправленную в тёмные бриджи, которые в свою очередь были погружены в симпатичные сапожки, чётко повторявшие красоту её ножек. Ворот блузки был разорван, демонстрируя прекрасную грудь женщины, матово-молочный цвет которой кружил голову воина. Рядом с несчастной стоял мужчина, поигрывая огромным ножом. По всей видимости, он домогался женщины. В разных местах поляны стояли и сидели разношёрстные воины. Их было около двадцати. «Всего-то?», — пронеслась разгоряченная мысль. Кенанн сделал роковой шаг. Земля под ним разверзлась, он попал в сеть, которая тут же была поднята на высоту двух человеческих ростов. Сеть, изготовленная из неизвестного материала, не поддавалась мечу.

— Вот олух! — расхохоталась женщина, отбрасывая верёвки и застегивая блузку, — вероятно, у тебя давно не было самки, раз ты попался на такую простенькую уловку. Кенанн злобно заскрежетал зубами, ничего не говоря. На поляну въехал огромный трактор. Сетчатый мешок, внутри которого бесновался плененный воин, был тут же прицеплен к нему, и воинство направилось в близлежащий город. Нещадно палящее полуденное солнце, казалось, собирает сжечь путешественников. На половине пути они сделали привал. Получив небольшой кожаный мешочек с водой, едва прожаренный кусок мяса, сильно сдобренный острыми специями с маисовой лепёшкой, воин решил поддержать свои силы. Съев всё без остатка, он забылся тревожным сном...

По прибытии его поместили в просторную клетку. Противоположная стена помещения представляла собой закрытые ворота. Кенанн тут же, выбравшись из сетчатой ловушки, принялся их раскачивать и пытаться открыть. Но ворота были очень крепки и не сдвигались ни на миллиметр. — Торопись умереть? — насмешливо поинтересовался знакомец с

поляны, тот, что поигрывал там огромным ножом. — Вовсе нет, — отходя от стены, пояснил мужчина, — ворота, вероятно, ведут на арену гладиаторских боёв? — Угадал, — вновь доставая нож, сказал мерзавец, — тебе предстоит бой с жителем планеты Реглан, той, что вращается под звездой Тустеп, в созвездии Синего Паука. — С шестирукой ящерицей, плюющей серной кислотой?! Да ни за что в жизни! Я лучше подохну от собственного меча! — Ну, это мы ещё посмотрим! — пряча нож, негромко позвал женщину, — Соня!

Соней оказалась медноволосая женщина, так ловко обхитрившая Кенанна. Подойдя к металлическим прутьям клетки, она, хищно улыбнувшись, стала медленно расстёгивать блузку, приговаривая при этом: — Хочешь меня? Я буду твоей три дня и три ночи, но только если ты победишь Регланина. — А если проиграю? — Мертвецам любовь ни к чему, — рассмеялась Соня, — подойди... Воин подошёл к прутьям и просунул сквозь них обе руки. Женщина не пыталась отстраниться. Воин, оказываясь, боится женщин?! — счастливо рассмеялась соблазнительница, входя в камеру. Осторожно освободившись от кожаного нагрудника, она тут же небрежно забросила его в угол.

— Ты не заперла дверь?! — спросил Кенанн. — А зачем? У нас есть три дня и три ночи. Куда ты убежишь от меня? Или убежишь? Женщина осторожно погрузила руку в шортики и, облизав пальцы, хищно улыбнулась воину. — Не убежу... не убегу, — поправившись, он сильно покраснел, это было отчётливо видно даже при неярком свете факелов. — О, как мило! Мой мальчик — скромняжка. Ну, иди ко мне, лапочка, — вероятно, женщина просто надсмехалась над победителем инопланетянина.

Воин, привыкший завоёвывать, не испытывал прежде любви. А была ли это любовь? Он не знал. Те женщины, которые попадались на его пути, просто давали себя и он брал. С Соней было всё не так. Ему хотелось нежности и ласки, а не сразу любви. Он приблизился к ней и осторожно прижал к себе. Почувствовав прохладу её груди, начал быстро терять голову. Его руки, а точнее кончики пальцев, осторожно поглаживали спину любовницы. От этих прикосновений Соня стала рычать, как раненая пантера и выгибаться с такой силой назад, что казалось, коснётся головой пола. Кенанн погрузил своё лицо в мёд её груди. Соня резко оттолкнула мужчину, сбросив остатки одежды, порывисто вскочила и яростно крикнула: — Возьми меня! Хватит играть! Возьми прямо сейчас! Мужчина встал и быстро разоблачившись, взял её...

Три дня и три ночи пролетели как одно мгновение. Они почти не спали. Если кто-то вдруг забывался тревожным сном, партнер тут же начинал любовный танец. Их никто не тревожил. Еда начала портиться и смрад импровизированного туалета, давно щекотал им ноздри. Вода для умывания кончилась этой ночью. Соня покидала в бадью весь мусор и объедки. Туда же было установлено и злосчастное ведро. — Пойди, вынеси мусор, — попросила она любовника, подробно объяснив дорогу. — Не боишься, что сбегу? — усмехнулся воин. — Куда ты теперь от меня сбежишь, — рассмеялась рыжеволосая девица, — возвращайся скорей, мне есть, что сказать тебе. — Я мигом, — подхватив огромную бадью, пустился в путь воин. Он так и не узнал, что хотела сказать ему его любовь. Но он догадывался: поставив на него всё своё состояние, Соня хотела купить ему свободу и сделать своим мужем...

Тщедушный мальчик с ведром мусора брёл по коридору уже почти двадцать минут. Осознание того, что менее получаса назад он был воином, у него была самая прекрасная женщина всей Вселенной, медленно покидало его. Капля, за каплей растворяясь, словно вода

под жаркими лучами квантового светильника. Зато к нему приходило осознание другого. Он брёл по округлому коридору огромного космического корабля, который на своих крыльях нёс горстку Землян, чуть более тысячи человек, прочь от своей мёртвой Родины в неизвестность.

Резкая трель коммуникатора, вернула его мысли в коридор. С экрана смотрело злое лицо мамы. — Борус! Ну что опять? Куда ты идёшь? — Но мама, ты же сказала, отсек шесть? — Да шесть. Но мы живём в секторе «А», а ты ушкандыбасил, аж в «F»! Сейчас же вертайся. И Соня уже волнуется! — Уже бегу...

Борус повернулся и со всей мочи побежал, не заботясь, чтобы хоть одна из подошв примагничивалась к поверхности. Пару раз он срывался и пролетал метров по пять. Это было весело, как в детстве. Добравшись, наконец, до своего сектора и выкинув мусор в мусорозаборник, мальчик отправился к себе домой.

Его жена порывисто вскочила и обняла его: — Я уже начала волноваться, не случилось ли с тобой что. — Не стоило беспокоиться, Соня, ну что со мной может случиться? — ласково улыбнулся муж.

— Ты не забыл? У нас сегодня день детей. Мы не должны волноваться. Пообещай мне, что у нас будет ребёнок. И зачатие его произойдёт именно сегодня. — Обещаю, — грустно сказал Борус. — А почему грустно? — ласково поглаживая непокорные вихры мальчика, улыбнулась Соня. — Господи, Соня. Мы ещё сами дети. По земному летоисчислению мне сейчас 19, а тебе 18.

— Я знаю, милый. Но ты ведь не забыл? Это на нас, детях 14-го поколения, лежит огромная ответственность по продолжению человеческого рода. — Я помню, родная. Помню и то, что смертность среди людей давно уже за планкой 30 лет. — Твоей маме 39... — Да... скоро 40... — Ты будешь меня сегодня любить? — Да буду! Нежно и в тоже время пылко и страстно... И я обещаю, в эту ночь у нас родится новая жизнь. Наш ребёнок...

Дорогие читатели. Если вам понравился этот отрывок, то я выставлю весь рассказ. А если нет, значит оно того не стоит)))